

Туманян Ованес Тадевосович

Избранное

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-31

О-31 **Ованес Тадевосович Т.**
Избранное / Туманян Ованес Тадевосович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
377 с.

ISBN 978-5-519-77871-8

Пролог; Пахарь; Со звездами; Концерт; Призыв; Не проси меня; Примирение; Армянскому паломнику; У склепа Н. Бараташвили; Две черные туши

ISBN 978-5-519-77871-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ob. Nijman

ОВАНЕС ТУМАНЯН

*... Создал новое созвездие
Ты на армянских небесах
В. Брюсов.*

Творчество Ованеса Туманяна — одно из самых блестящих страниц армянской литературы. Выступив в начале 90-ых годов прошлого века, впитав в себя высокую писательскую культуру своих предшественников, развивая их лучшие традиции, он поднял армянскую поэзию на новую ступень. Он явился одним из самых ярких выразителей вековых мечтаний и стремлений армянского народа.

„Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа,—писал Н. В. Гоголь об А. С. Пушкине.—Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами“ („Несколько слов о Пушкине“).

Эти слова великого русского писателя целиком относятся и к Ов. Туманяну, творчество которого всеми своими нитями тесно связано с армянским народом, с его историей и культурой.

Эту сторону творчества Туманяна имел в виду В. Брюсов, когда писал: „В целом, поэзия Туманяна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большого мастера“.

Однако, будучи национально-народным, творчество Туманяна в своих основных чертах демократично и общечеловечно. Это именно и определило приятие великим поэтом социалистической революции и переход его на сторону советской власти.

I

Ованес Туманян родился 19 февраля 1869 г. в сел. Дсех (ныне Туманян) Алавердского района, в старой патриархальной семье.

Детские годы будущего поэта протекали среди величественной горной природы Армении, где он внимал шуму лесов и журчанью быстрых рек, бежавших по дну глубоких ущелий. Этот таинственный и грозный шум, гулким эхом отдававшийся в горах, пленял мальчика и вместе с тем вселял трепет в его впечатлительную душу.

С одной стороны, роскошная природа, с другой—народные сказки и легенды, которые рассказывали в долгие зимние вечера старики и странствующие ашуги и, наконец, замечательной красоты архитектурные памятники—свидетели исторического прошлого Армении,—поражали юное воображение.

Все это, вместе взятое, в соединении с безотрадной жизнью армянской деревни и определило духовный мир юноши.

Тяжелое экономическое положение и бесправие армянского народа производят на него глубокое впечатление, и „веселые песни“ смешиваются с „глухими стопами“. Уже в стихотворениях раннего периода творчества Туманяна проявляется народная скорбь. Ярче всего это выражено в „Прологе“.

Первоначальное образование Туманян получил в родном селе у некоего учителя Саака. Это был невежественный человек, считавший телесное наказание важнейшим методом обучения, вколачивавший грамоту „железной тростью“. Рассказывая в своей автобиографии о том времени когда он учился грамоте у учителя Саака, Туманян называет его метод „педагогическим террором“. К счастью, этот „педагогический террор“ длился недолго. В 1879 г., когда Ованесу было 10 лет, отец отвозит его в Джалалоглы (ныне Степанаван) и помещает в школу учителя Тиграна, где мальчик остается до 1883 г. Здесь Туманян пристрастился к чтению; он жадно читает в переводах романы Александра Дюма, Виктора Гюго Эжен Сю. Здесь же он пишет свои первые стихи, являющиеся большей, частью подражанием, на любовные и патриотические темы.

В 1883 г. Туманян переезжает в Тифлис и поступает во второй класс училища Нерсисян. Начинается новый период его жизни. Питомцу гор и лесов кажется чуждой сутолока полуевропейского-полуазиатского города. Но за то учение его ставится на правильные рельсы. Грубых и невежественных „учителей“ сменяют такие передовые культурные преподаватели, как романист Церенц, филолог К. Костанян, поэт-переводчик Г. Бархударян, Ф. Врданян и др. В Тифлисе кругозор юного поэта расширяется. Наряду с литературой он увлекается также и театром. В то время в Тифлисе шли гастроли великого армянского трагика Петроса Адамяна, находившегося в зените своей славы.

Обаяние Адамяна и его влияние на современников было огромно, и естественно, что Туманян жаждал увидеть игру знаменитого артиста. Однако, для воспитанников училища Нерсисян театр был „запретным плодом“. „Отношение нашего инспектора, Г. Григора, к театру было беспощадно суровым, — пишет в своей автобиографии Туманян, — театр он считал безнравственным местом и всячески старался подальше держать „невинных детей“ от этого проклятого здания. Сам он в театр никогда не ходил, не посещал его. В год раз, на масленице, имея распоряжение школы повести воспитанников в театр, он вынужден бывал итти, но во время представления отворачивался и сидел спиною к сцене“.

Вопреки строгому контролю инспектора Григора, Туманяну все же удается увидеть Адамяна в роли Гамлета. Впечатление было исключительное.

„Эта ночь,— рассказывает он,— была для меня волшебной ночью и имела почти что решающее значение для всей моей литературной жизни. Я в ту ночь так сильно полюбил Гамлета, а за тем Шекспира, что написал несколько драм и все их уничтожил, так как... они оказались непохожими на драмы Шекспира“.

Туманяну удается еще несколько раз попасть в театр и видеть Адамяна, а раз даже он играл роль солдата-статиста в спектакле с участием Адамяна.

В училище Нерсесян Туманян продолжает свои литературные опыты. В 1886 г. он пишет легенды „Пес и кот“ и „Злосчастные купцы“, которые, не будучи еще напечатаны, получили распространение и принесли имя начинающему поэту.

Туманян недолго оставался и в училище Нерсесян. С одной стороны тяжелые материальные условия, а с другой строгий школьный режим, тяготивший выросшего на горных просторах свободолюбивого юношу, привели к тому, что Туманян в 1886 г. вышел из четвертого класса училища.

II

В 1887 г. Туманян из-за материальной нужды поступает писцом в Тбилисскую духовную консисторию. Здесь, с первых же дней, юный поэт становится свидетелем злоупотреблений и безнравственной жизни духовенства. И вот, он пишет сатирические стихи на попов, монахов и на самого епископа — начальника епархии, сдирающих шкуру с крестьян, обращающихся по тем или иным вопросам в консисторию.

Юный поэт не в силах оставаться равнодушным зрителем окружающей его грязи, он бурно протестует против одетых в рясу ростовщиков:

Стал затевать за спором спор.
Мол, не годится мужика,
Чья жизнь и так ведь не легка,
Годами мучить и мотать,
Вдовицы скорбь с торгов спускать.
(„Поэт и муза“)

Таким образом, Туманян с первых же шагов своей службы в консистории вступает в конфликт с духовным начальством. Он задыхается в этой смрадной атмосфере. Пышно распускающийся в нем поэтический талант влечет его к литературной деятельности. Нужда же заставляет заниматься скучной, томительной, отупляющей консисторской перепиской. С женитьбой (1888 г.) прибавились еще семейные заботы. Материальная необеспеченность, зависимость в связи с этим от тестя, настаивавшего на том, чтобы поэт сделался священником; гонения, начавшиеся против

него со стороны консисторских заправил, — все это, вместе взятое, создавало невыносимое положение. Тесть поэта — священник — материально был заинтересован в том, чтобы его зять тоже стал священником. К нему присоединилась часть родственников, со своей стороны уговаривавших Туманяна одеть рясу, если он хочет избавиться от нужды и забот:

„Там ждут тебя любовь, почет,
Поминки с сочною кутьей,
Достаток полный и покой“.

(„Поэт и муза“)

Однако, вопреки всем этим давлениям материального и морального порядка, Туманян категорически отказывается от профессии священника, будучи твердо убежден в том, что под рясой его поэтический дар погибнет.

К тому времени Туманян уже устанавливает связи с литературными кругами: знакомится с знаменитым романистом Раффи, крупным демократическим писателем и педагогом Г. Агаяном и др.

При содействии Агаяна, в 1890 г. в детском журнале „Ахбюр“ („Родник“) появляется обработанная Туманяном народная легенда „Солнце и луна“. Знакомство с Агаяном превращается в литературную и личную близость, чему способствует общность их идейных взглядов.

В том же 1890 г. в Москве выходит в свет первый том стихотворений Туманяна, а в 1892 г. — второй том. В этих сборниках были помещены и некоторые стихотворения из числа написанных против консисторского духовенства.

После этого взаимоотношения Туманяна с последним еще более обострились, и он в 1892 г. оставляет свою должность.

Либерально-буржуазная пресса и критика враждебно отнеслись к первым книгам стихотворений Туманяна. В своей сатирической поэме „Поэт и муза“ он по этому поводу пишет следующее:

Едва лишь появился сборник в свет,
Суровый публицист почтенных лет,
Высоко беспристрастие цenia,
Счел нужным едко осмеять меня.

Туманян пришлось „не по вкусу“ либерально-буржуазным публицистам, так как он, наперекор господствовавшему буржуазно-националистическому течению, продолжал демократическую линию армянской литературы, следуя за Хачатуром Абовяном, Микаелом Налбандяном, Г. Агаяном.

Однако, вопреки враждебному отношению со стороны буржуазной печати, Туманян своими поэмами и стихами, благодаря их подлинной народности, проникающим их демократическим гуманистическим идеям, привлекал к себе симпатию и любовь широких читательских кругов.

Демократическое крыло критиков и писателей приветствовало молодого поэта, видя в нем певца лучших стремлений и чаяний народа.

Особенный интерес представляют статьи Г. Агаяна, М. Абегяна и Л. Манвеляна. Последний в журнале „Мурч“ („Молот“) дал следующую характеристику Туманяна: „Своими поэмами он не походит на наших ни старых ни новых поэтов. Он стоит особняком, он самобытен, он новое явление для нас. Народность, вот что составляет его отличительную черту, жизненную силу его поэм и стихотворений“.

III

Развязавшись с консисторией, где он задыхался, Туманян не из-бавился от нужды, продолжавшей его преследовать. Он снова поступает на службу, на этот раз в канцелярию Кавказского Армянского Издатель-ского Общества. Однако возникшие вскоре между ним и обществом тре-ния заставили его уйти оттуда.

Вопреки неблагоприятным обстоятельствам, поэтический талант Ту-маняна зреет и развивается.

После выхода в свет первых двух томов, Туманян в 1893-1894 гг. пишет поэму „К бесконечному“, рассказы: „Гикор“ и „Честь бедняка“, ряд легенд и стихотворений.

Поэзия Туманяна питалась сокровищами народного творчества, но он одновременно основательно изучал классиков русской и европейской литературы, в первую очередь, произведения Шекспира, Гете, Байрона, Пушкина, Лермонтова, Некрасова. В 1894-95 гг. Туманян переводит „Шиль-онского узника“ и отрывок из „Чайльд-Гарольда“ Байрона и „Мцыри“ Лермонтова. В 1896 г. Туманян пишет обширную статью о переводах „Гам-лета“, требуя самого серьезного и добросовестного отношения к творени-ям величайшего драматурга.

Знакомство с классической литературой еще более усиливает в Тума-няне стремление к усовершенствованию, к расширению своих знаний, и он еще острее чувствует потребность в том, чтобы целиком отдаться литературе.

Это было его „сокровеннейшей мечтой, вопросом существования, жизни“. Однако, в то время этого нельзя было осуществить, так как он вынужден был думать об ежедневном куске хлеба для своей семьи.

Туманян с жаром взялся за самообразование. В 1895 г. он лелеял мечту о создании для этой цели литературного кружка, но исполнить ее удалось лишь в конце 1899 г. В кружок, кроме самого Туманяна, входили еще: Г. Агаян, Ав. Исаакян, Д. Демирчян и др.

Члены кружка обычно собирались на квартиру Туманяна, где читали образцы классической литературы или свои новые вещи, обсуждали раз-личные творческие проблемы.

Из этого литературного кружка и возникло впоследствии „Кавказское общество армянских писателей“, основанное по инициативе Туманяна и некоторых других писателей в 1912 г.

С самого начала его выступления на литературной арене Туманяна занимала мысль о материальном обеспечении писателя. Царизм, буржуазно-помещичье правительство не заботилось об этом. В те времена перед армянским писателем стояла проблема: либо отказаться от литературной деятельности, либо обресть семью на голодное существование. Буржуазная „благотворительность“, помимо того, что она не составляла основных средств жизни, унижала достоинство писателя.

В нашей действительности Туманян первым поднял вопрос о писателе - профессионале. Туманян считал необходимым создать для писателя прочную материальную базу, чтобы дать ему возможность заниматься своей профессией, чтобы литература могла развиваться. База же будет создана, говорил он, при условии, что забота об этом станет общенародным делом. Честь и достоинство писателя могут быть ограждены только в том случае, если материально он будет обеспечен и независим.

Несмотря на все старания Туманяна, поставленная им задача при царизме не была решена, да иначе и не могло быть.

Задача материального обеспечения писателя была решена коренным образом лишь при советской власти.

IV

С самого начала литературной деятельности Туманяна, народность и реализм его творчества были резко противопоставлены преобладавшей в то время в армянской поэзии националистической романтике.

В целом ряде статей и стихотворений молодой поэт, высказывая свой принципиальный взгляд на литературу, подчеркивал ту мысль, что писатель, художник вообще, должен реалистически правдиво изображать действительную жизнь народа и бичевать веками давящие его гнет и унижение.

В одной из своих статей, написанной в 1894 г., Туманян, намекая на националистов - романтиков, с горькой иронией замечает: „Армянского поэта весьма волнуют черные тучи над снежной вершиной Масиса, и очень мало трогает кручина, что темным облаком легла на чело армянского крестьянина“.

Туманян правдиво, реалистически, в высоко-художественных образах раскрыл перед читателем жестокую действительность, мир „нужды и зла“. Он показал, как грубое суеверие и невежество доводят человека до безумия („Лориец Сако“ 1889 г.); как безжалостный „адат“ доводит юную девушку до того, что она в отчаянии бросается со скалы в пропасть („Маро“, 1887 г.); как в среде, зараженной предрассудками, растаптывается любовь, гибнут молодые жизни („Ануш“, 1890 г.). Крестьянин не выдерживает политического бесправия и экономического гнета и становится на путь бунтарства, и даже восьмидесятилетний старец негодующе восклицает:

Эх, друг. Не расспрашивай. Больше нет мочи.
Не то мне придется разбойником стать...
(„Стеневия“ 1890 г.)

Такой мрачной и была изображенная Туманяном действительность.

В противоположность националистам-романтикам, Туманян не идеализирует жизнь, не приглаживает и не приукрашивает ее. Ему глубоко чужды мещанское лицемерие, самодовольство, подкрашивание. Все творчество Туманяна проникнуто чувством реальной действительности, он со всей страстью выступает против писателей, извращавших, фальсифицировавших жизнь, набрасывавших покров на ее безобразные темные стороны и тем самым обесценивших значение литературы, как острого оружия в общественной борьбе.

Изображая социально-экономический гнет, Туманян вскрывает также национально-политическое угнетение армянского народа при тираническом режиме феодально-султанской Турции, и, наряду с этим, его героическую борьбу против чужеземных поработителей.

Характерно, что молодой Туманян называет свои стихи „Стенаниями“. К родине он обращается со следующими словами:

Иду,—и напев не радостен мой,
В твой нежный венок цветов не вплету,
Заполнить хочу я жгучей тоской
Бездонных твоих долин пустоту.
(„Пролог“)

„Где народ—там и стон“,—говорит певец „печали и гнева“—великий русский поэт Некрасов. И Туманян, национальный поэт, ярко выразил этот стон народный. Он всюду с народом: перед его мысленным взором всегда стоит образ измученного непосильным трудом крестьянина, угрюмого, с лицом, изборожденным глубокими морщинами... Поэту всюду слышатся стоны бедствующего народа.

Как у Некрасова и Шевченко, печать народного горя лежит даже на лирических, субъективного характера, стихах Туманяна.

Высоко-художественно изображая трагически тяжелую жизнь народа при царизме, в капиталистическом обществе, Туманян вместе с тем ярко выражал политические идеалы народа, его веру в крушение существующего строя и надежды на лучшее будущее. В этом и заключается общественно-политическое значение его творчества.

Уже ранние стихи Туманяна полны идущим от народа глубоким и ярким оптимизмом. Знаменательно, что в первом варианте поэмы „Ануш“ (1890 г.), поэт, бросая вызов сельской буржуазии и царским чиновникам, выражает неугасимую веру в то, что „придет день, когда счастье наступит на земле“.

Идея гибели зла и насилия выражена у Туманяна не только в по-

литической лирике, но и в произведениях „объективного“ жанра—сказках легендах, баснях („Братец-барашек“, „Конец зла“, „Ничто не вечно на земле“ и пр.). В легенде „Ничто не вечно на земле“ выражена та простая мысль, что в мире нет ничего прочного, и все подвержено изменению. Однако, примечательно то, что Туманян придал этой легенде политическую заостренность: так как в мире нет ничего прочного, то, следовательно, не прочна также и власть царей...

Эзоповским языком он ясно намекал на то, что несмотря на поражение первой русской революции и на реакцию, царизм должен погибнуть.

V

Туманян считал что народность является необходимым условием жизнениости литературы, необходимым условием того, чтобы она осталась в поколениях. При этом народность он понимал не как этнографичность и не как национальную ограниченность. Для Туманяна народность неотделима от демократизма. Под народностью литературы он понимал ту связь, что объединяет различные народы духом содружества и братства. Вместе с тем подлинная народность, заключая в себе художественные и идейные ценности общечеловеческого значения, выводит писателя из национальных рамок на арену мировой литературы.

„Чем ближе будет человек к своей стране и к своему народу,—говорит Туманян,—чем больше он будет углубляться в народное творчество, тем более он будет велик и общечеловечен. Только этим путем писатель может занять место в мировой литературе“.

Наряду с этим, народное творчество служило для Туманяна источником несокрушимой веры в лучшее будущее.

В одной из своих статей, написанных, в 1912 г. Туманян писал: „Велика наша вера в культурную силу армянского народа и в его светлое будущее, которое сам он, армянский народ, в своей национальной легенде сравнил с неугасимой лампадой, горящей на небе над вершиной священного Арагаца, и ни одна рука не коснулась ее, никакая буря не погасила ее“.

Эту несокрушимую веру народа Туманян отобразил в своем творчестве.

Правда в своих субъективно-лирических песнях Туманян иногда выражает мрачные настроения, но они для него не типичны; характерным для него является жизнерадостность и оптимизм. Преодолев случайные отклонения, он снова возвращается в область народных дум, мечтаний и образов, и здесь, в родной для себя атмосфере, он обретает новые творческие силы и веру в желанное будущее, открывающую перед ним новые широкие горизонты.

Оставаясь всегда на почве народности, Туманян, однако, далек от идеализации народа, он не фетишизирует все то, что унаследовано народом от прошлого. Приемля все положительное, здоровое, прогрессивное, Туманян, вместе с тем, ведет борьбу против суеверия и невежества, пре-